

Э. Б. Крылова

КОММУНИКАТИВНАЯ СЕМАНТИКА ДАТСКИХ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Проблема описания семантики вопросительных предложений является важной для современной лингвистики. Актуальность такого исследования вызвана растущим интересом к речевому акту и человеку как субъекту речевой деятельности, коммуникативные намерения которого отражаются на структуре дискурса. Подчеркивая необходимость исходить из принципа «у каждой формы свое значение» при анализе грамматической семантики, А. В. Бондарко пишет: «Без достаточного внимания к форме, к вопросам “как это выражено?”, “чем отличается значение данной формы от значений других форм?”, без специального анализа языковых структур в их отношении к выражаемому содержанию изучение семантики может утратить научную строгость»¹.

Наше обращение к заявленной теме объясняется тем, что, насколько нам известно, ни в работах датских лингвистов, ни в отечественных исследованиях по датскому языку этой проблеме не уделялось достаточного внимания, возможно, в силу кажущейся простоты, возможно, из-за отсутствия до недавнего времени общей системы методов и инструментов такого описания; а также желанием обсудить результаты исследований функционирования датских модальных частиц в вопросительных предложениях различной формальной структуры².

---

¹ Бондарко А. В. О роли формы в функциональном анализе грамматических единиц, классов и категорий // Материалы междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С.163–165.

² Крылова Э. Б. Датские модальные частицы *mon, vel, vist* в вопросительных предложениях // XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Архангельск, 2001. С. 331–333.

Многообразие форм вопросительных предложений в датском языке, их кажущаяся эквивалентность затрудняют выбор носителем языка нужной структуры вопроса, соответствующей данной коммуникативной ситуации. К тому же, как показывают предварительные результаты проведенного исследования, коммуникативная стратегия русской речи несколько отличается от датской³. Понимая всю сложность заявленной проблематики, требующей серьезного исследования с привлечением самых разных параметров коммуникативной прагматики, и не претендуя на всеохватность языкового материала, мы попытаемся в рамках данной статьи обратить внимание прежде всего на зависимость формальной структуры вопросов от установки говорящего⁴, а также дать описание их семантики, что, в свою очередь, позволит решить проблему адекватности их перевода на русский язык.

В современной лингвистике нет единой классификации вопросительных предложений. Представляется удачной классификация вопросов, разработанная Ш. Балли⁵, который подразделил все вопросы на 4 типа в зависимости от того, идет ли в них речь о содержании пропозиции (диктум) или о пропозициональном отношении (модус):

1) Полный диктальный, предполагающий незнание спрашивающим события в целом и направленный ко всему содержанию ответного высказывания: *Hvad er der sket?* 'Что случилось?';

2) Частичный диктальный, предполагающий незнание частного аспекта события и направленный к части информации, заключенной в ответном высказывании: *Hvem siger det?* 'Кто это говорит?';

3) Полный модальный, предполагающий, что известно событие в целом, но не известно, соответствует ли оно действительности. Такой вопрос имеет целью установить истинность информации: *Bor du i Danmark?* 'Ты живешь в Дании?';

4) Частичный модальный, выражающий сомнение в частном аспекте известного в целом события: *Nar du virkelig talt kun med hende?* 'Ты действительно говорил только с ней?'.

В отечественной лингвистике модальные вопросы принято называть общими, или альтернативными (также — верификативные:

³ О коммуникативной стратегии русской речи см.: Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи // Языки славянской культуры. *Studia philologica*. 2001.

⁴ Понятие «установка говорящего» введено в работе Kiefer F. *Some Semantic and Pragmatic Properties of WH-question and the Corresponding Answers* // SMIL. 1977. N 3. P. 42–71.

⁵ Балли Ш. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М., 1955. С. 47–48.

да/нет-вопросы), а диктальные — специальными, или частными, т. е. требующими конкретизации, а также вопросами с вопросительными словами. С. Н. Кузнецов предлагает называть общие вопросы неспециальными в противопоставлении специальным, подчеркивая, что оппозиция «общейинформативное предложение — частнойинформативное предложение» распространяется на все их виды, как повествовательные, так и вопросительные⁶. В рамках данной статьи мы остановимся только на анализе модальных вопросов различной структуры. Для нашего анализа необходимо также разграничить по формальным признакам вопросы повествовательной структуры и вопросительной структуры. Кроме того, по принципу наличия или отсутствия в структуре вопросительного предложения показателя негации противопоставляются негативные и позитивные вопросительные предложения. Необходимость такого противопоставления в датском языке будет понятна по ходу изложения. В русском же языке это противопоставление проводится всеми исследователями семантики вопросительного предложения⁷. Проблеме негации в вопросительном предложении также уделяют большое внимание специалисты по немецкому языку⁸.

Спрашивающий, задавая вопрос собеседнику, выбирает ту или иную структуру вопроса в зависимости от своих исходных предположений, ожиданий, т. е. от установки, которая отражает субъективное отношение говорящего к пропозициональному содержанию вопроса. Другими словами, говорящий как бы инструктирует слушающего относительно того, какой ответ он рассчитывает получить. Субъективное отношение говорящего состоит из эпистемической (достоверность высказывания) и аксиологической (хорошо / плохо, желательно / нежелательно) оценок. При этом аксиологическая модальность не является обязательным признаком коммуникативной установки говорящего, однако, не имея, по мнению многих лингвистов, прямых синтаксических способов выражения, она обнаруживается в текстах в виде различных эмотивных структур и прочих специфических форм.

Двигаясь в направлении от формы к содержанию, обратимся сначала к **вопросительным предложениям повествовательной структуры.**

---

⁶ Кузнецов С. Н. Теоретическая грамматика датского языка: Синтаксис. М., 1984. С. 164.

⁷ См., напр.: Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебник. М., 2000.

⁸ Franck, Dorothea. Abtunungspartikler und Interaktionsmanagement Tendenziuse Fragen // Die Partikeln der deutschen Sprache / Hrsg. von Harald Weydt. Walter de Gruyter. Berlin; New York, S. 3–13.

I. Одной из интересных разновидностей таких вопросительных предложений можно считать утвердительные предложения с так называемым **вопросом-привеском** в конце.⁹ Двусоставная структура такого предложения — утвердительное предложение + вопрос-привесок — способствует тому, что целиком оно воспринимается как верификационный вопрос к пропозиции: *Er det sandt at... 'Это правда, что...'*. Такой апеллирующий к истинностной оценке вопрос можно присоединить практически к любому сообщению¹⁰. При этом в зависимости от наличия или отсутствия негации в пропозиции спрашивающий использует соответственно *vel* или *ikke* в качестве вопроса-привеска:

1) Hans mor er på arbejde, ikke? — Jo.

Его мама на работе, да? — Да.

2) Du har ikke nøglen, vel? — Nej.

У тебя нет ключа, правда? — Нет.

3) Det var en god film, ikke? — Jo.

Это был хороший фильм, да? — Да.

4) Vi kan ikke spise mere, vel? — Nej.

Мы не можем больше есть, правда?

5) Så gik vi ud, ikke, for vi gad ikke se dem danse, vel?

Тогда мы пошли на улицу, да, потому что не хотели смотреть, как они танцуют, правда?

Условия успешности такого вопроса могут быть самые разные:

— говорящий не знает ответа на этот вопрос и рассчитывает, что его знает адресат: (1), (2);

— говорящий дает свою оценку ситуации, события и рассчитывает на ее принятие со стороны адресата, на его согласие: (3), (4);

— говорящий сообщает нечто адресату и использует вопрос-привесок для поддержания внимания слушателя; такая «контактоустанавливающая функция» вопросительных предложений характерна только для разговорной речи: (5)¹¹.

Интерес для нас представляют прежде всего случаи, когда говорящий не располагает достоверной информацией, но высказывает свое

⁹ «Tag-question» — по терминологии: *Wierzbicka, Anna. The Semantics of Grammar. Amsterdam. 1988;* и «pehngende» — по терминологии: *Davidson-Nielsen, Niels. Det er sgu da nu vist en misforsteelse: Om nogle svjre smeord pe dansk // Nyt fra Sprogjvnet. 1993. N 3. S. 1–9.*

¹⁰ *Арутюнова Н. Д. Речеповеденческие акты и истинность // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М. С. 6–40.*

¹¹ См. о «kontaktpåkaldelse»: *Lund, Jorn. Sprog og sprogbrug i dag: 6 kapitler om det danske sprog i det 20. Århundrede. Kbh., 1982.*

предположение в виде утверждения: (1), (2). Ikke и vel в таких вопросах — модальные иллюкутивные показатели, эксплицирующие установку говорящего: не имея знания о достоверности пропозиции, говорящий дает свою оценку ситуации и обращается к собеседнику, надеясь, что тот подтвердит, что *p*. Использование говорящим в качестве вопроса-привеска vel вполне объяснимо. Датский лингвист Нильс Давидсен-Нильсен в своей классификации частиц датского языка обращает внимание на функциональную особенность модальной частицы vel — апеллировать к собеседнику в поиске подтверждения своей гипотезы и называет ее предполагающей и ищущей подтверждения (*antagende og bekræftelsessøgende*)¹². В позитивных вопросах с этой целью используется отрицание ikke, которое «навешивается» на пропозицию и, скорее всего, воспринимается адресатом не как остаток контраста: *eller ikke?*, а как сокращенный вариант *ikke sandt?*¹³. Ikke здесь вряд ли можно считать собственно отрицанием, так как, реагируя на него формально выбором *jo*, говорящий одновременно подтверждает достоверность пропозиции, а не отрицает ее. Вопрос-привесок *ikke?* в данной структуре вполне может быть заменен на *hvad?*, при этом изменится только форма ожидаемого ответа — *ja*, а не его семантика. На русский язык такой вопрос-привесок лучше всего переводить как ‘да?’ или ‘не так ли?’ На функционально-семантических особенностях отрицания ikke в датских вопросах мы остановимся ниже и попробуем доказать, что оппозиция *ikke* — *vel* в позитивных — негативных вопросах не совсем случайна.

Установка говорящего, выражаемая экспликативом¹⁴ *vel*, имеющим реципрочную функцию, не только побуждает собеседника отреагировать на вопрос, но и сигнализирует ему, что ожидаемым ответом является *nej*. Однако, как показывает материал, ответ собеседника может быть противоположным высказанному желанию, ср.:

6) *Hvis du spiller på søndag, du dør. Du vil da ikke spille, vel?* — *Jo*.

Если ты будешь играть в воскресенье, ты умрешь. Ты же не будешь играть, правда? — *Буду*.

Такое употребление позиционно-дистантной комбинации *vel* в качестве вопроса-привеска и отрицания *ikke* в составе пропозиции в датском языке соответствует употреблению в русском модальной частицы

¹² Davidsen-Nielsen, Niels. Op. cit.

¹³ Подробнее о контрасте см.: Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи // Языки славянской культуры / (Studia philologica). 2001. С. 46.

¹⁴ Этот термин для модальной частицы *vel* введен в работе: Krylova E. Den epistemiske modalitetens betydninger // Материалы междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 73–82.

‘правда’, которая «маркирует особый речевой акт выражения желания услышать подтверждение своего мнения» и также принадлежит к числу диалогических частиц, так как ее толкование содержит упоминание и говорящего, и адресата¹⁵.

II. Описанная выше функционально-семантическая особенность модальной частицы *vel*, заключающаяся в предложении говорящего собеседнику своей гипотезы — объяснения сложившейся ситуации и ожидании от него ее принятия или подтверждения в случае, если собеседнику известно действительное положение дел, делает ее наиболее употребимой в парентетической роли¹⁶ в позитивных модальных вопросах повествовательной структуры.

Вопросы, в которых употребляется модальная частица *vel*, характерны прежде всего для диалогических речевых актов. Обычно это модальный, или, как его еще называют, верификационный¹⁷ вопрос повествовательной структуры. Говорящий использует *vel* для выдвижения гипотезы, которая кажется ему вполне вероятной в данной конкретной ситуации. Однако он не располагает информацией о реальном положении дел. Адресуя свой вопрос собеседнику, говорящий ждет от него подтверждения или принятия своей гипотезы. Так, например, если двое обсуждают вопрос, почему они давно не видели своего друга, говорящий может предложить товарищу следующую оценку сложившейся ситуации:

1) *Han er vel rejst?*

Он, наверно, уехал?

Подтверждение со стороны собеседника этого предположения спрашивающего вполне отвечает ожиданиям последнего и является достаточным. В случае же несоответствия, с точки зрения слушающего, выдвинутой гипотезы обсуждаемой ситуации, т. е. при отрицательном ответе собеседника, от участников диалога требуется определенная реакция — дальнейшая спецификация. Очень часто такой вопрос обращен к собеседнику, являющемуся субъектом содержащейся в нем пропозиции:

2) *Du har vel et værelse et eller andet sted?*

У тебя, наверно, есть где-нибудь комната?

---

¹⁵ См.: *Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива). М. 1996. С. 303.

¹⁶ О понятии парентезы см.: *Зализняк А. А., Падучева Е. В.* О семантике вводного употребления глаголов // *Вопросы кибернетики. Прикладные аспекты лингвистической теории.* М., 1987; *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи // *Языки славянской культуры. Studia philologica.* 2001.

¹⁷ О верификационных вопросах см.: *Янко Т. Е.* Указ. соч. С. 61.

3) Du kender vel Hanne?

Ты, наверное, знаешь Ханну?

4) Du ved vel, jeg har en dreng?

Ты, наверное, знаешь, что у меня есть сын?

Поскольку такие предложения не имеют своей целью получения определенной информации, а предназначены только для подтверждения выдвинутой говорящим гипотезы, то их можно вслед за Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым отнести не к вопросам, а к гипотетическим предложениям в функции вопроса, т. е. к косвенным речевым актам¹⁸. Эта же особенность делает практически невозможным употребление в качестве субъекта такой пропозиции самого говорящего, тем более с ментальным предикатом, как в (6), по крайней мере в собранном нами корпусе материалов такие примеры отсутствуют, ср.:

5) Du kan vel huske hans navn?

Ты, наверное, помнишь его имя?

6) *Jeg kan vel huske hans navn?

*Я, наверное, помню его имя?

Предполагаемый перлокутивный эффект гипотетических предложений с *vel* в интерпозиции в функции вопроса тот же, что и у предложений с конструкцией «вопрос-привесок» без негации в пропозиции, ср. (5) и (7), где роль вопроса-привеска играет *ikke*:

7) Du kan huske hans navn, ikke?

Ты помнишь его имя, да?

8) Du kommer vel i morgen? — Ja. = Du kommer i morgen, ikke? — Jo.

Ты, наверное, завтра придешь? = Ты придешь завтра, не так ли? — Да.

И в том, и в другом случае собеседник должен отреагировать на реплику говорящего, понимая, что тот ожидает подтверждения содержания пропозиции. Однако разные структуры предложений (гипотетическое с *vel* в интерпозиции и утвердительное с навешивающимся на него верификационным *ikke*?), безусловно, влияют на выбор говорящего в той или иной ситуации.

Русское ‘*наверное*’ неспособно, к сожалению, в полной мере передать все оттенки значения модальной частицы *vel*, это значение лучше всего вносят в высказывание разговорные, употребляющиеся в основном в просторечии модальные частицы ‘*небось*’, ‘*поди*’, ср.: ‘*Ты, поди, завтра придешь?*’, ‘*Он, небось, заболел?*’

¹⁸ Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 296.

III. Негативные модальные вопросы повествовательной структуры представляют собой также гипотетические предложения в функции вопроса с позиционно-контактной комбинацией модальной частицы *vel* и отрицания *ikke*. Они требуют специального рассмотрения. По причинам прагматического характера спрашивающий стремится в вопросе передать свое субъективное отношение к его пропозициональному содержанию, выразить ожидание определенного ответа. Говорящий использует модальную частицу *vel* в вопросах с отрицанием *ikke* в ситуации, когда он опасается, что обратное возможно, но надеется, что *p*, здесь мы можем говорить об аксиологической модальности нежелательности для говорящего:

1) *Han er vel ikke syg?*

Надеюсь, он не болен? / Он же не болен?

2) *Det er vel ikke en fælde?*

Надеюсь, это не ловушка? / Это же не ловушка?

3) *Du ønsker vel ikke at ramme mine følelser?*

Надеюсь, ты не хочешь задеть мои чувства? / Ты же не хочешь задеть мои чувства?

Вопросы с *vel ikke* являются также вопросами — реакцией на сложившуюся ситуацию. Говорящий, оказавшись в неожиданной для себя ситуации, сигнализирует сочетанием *vel ikke* о своей реакции на нее и ждет ответной от слушающего. Прагматическим значением высказываний такого типа является: «Я не хочу, чтобы *не p*, но опасуюсь (сложившаяся ситуация заставляет меня опасаться), что *не p* возможно». Говорящий рассчитывает, что собеседник развеет его опасения, подтвердив, что это не так:

4) *Hvad er der i denne taske, Babette? Det er da vel ikke vin?*

Что в этой сумке, Бабетта? Надеюсь, не вино? / Это же не вино? ('Я не хотела бы, чтобы это было вино, но опасуюсь, что это так').

В такого типа вопросах с *vel ikke*, субъектом которых является собеседник, то есть истинность пропозиции зависит от него, говорящий высказывает косвенную просьбу, побуждение: «я опасуюсь, что ты можешь сделать это > я не хочу, чтобы ты делал это > не делай этого»:

5) *Ja, men du vil da vel ikke aflyse vores møde i aften af den grund?*

Да, но ты же не собираешься отменить нашу встречу сегодня по этой причине?

6) — *Du skal vel ikke have denne kjole på?*

— *Надеюсь, ты не наденешь это платье?*

— *Jo, den er køn.*

— *Надену, оно красивое.*

Иллокутивную силу первой реплики диалога (14) можно было бы, перефразировав, передать следующим образом: *‘я оцениваю ситуацию таким образом, что ты собираешься надеть это платье > мне бы не хотелось, чтобы ты его надевала > не надевай это платье’*. Такие виды побуждения (просьба, рекомендация) являются косвенной иллокутивной функцией данных высказываний и воспринимаются собеседником как ненавязчивое, т. е. более вежливое, чем прямое, побуждение. Однако перлокутивный эффект таких речевых актов может быть различным, о чем свидетельствует ответ собеседника в (6).

Как видно из приведенных примеров, все эти предложения можно перевести на русский язык двумя способами: русские *‘же... не...?’* *‘надеюсь, не...?’* употребляются говорящим именно как реакция на возможное, с его точки зрения, но нежелательное развитие ситуации, если у него есть подозрение (опасение), что это так.

Как показывает анализ материала, употребление *vel ikke* в альтернативных вопросах повествовательной структуры настолько конвенционализировалось в датском разговорном языке как специальное средство выражения вежливости, что получило широкое распространение в различных речевых актах. Приведенные ниже вопросительные предложения, являющиеся по форме сложно-подчиненными с *vel ikke* в главном предложении, представляют собой смешанные вопросы, т. е. состоят из двух частей, первая из которых — гипотеза говорящего, что собеседник не помнит (7), не знает (8), не видел (9) того, о чем он спрашивает во второй части:

7) *Du kan vel ikke huske, hvad advokaten hed?*

Ты не помнишь ли, как звали адвоката?

8) *Du ved vel ikke, hvor hun bor?*

Ты не знаешь ли, где она живет?

9) *Du så vel ikke, hvor fejemanden forsvandt hen?*

Ты не видел ли, куда исчез дворник?

В случае подтверждения гипотезы говорящего, т. е. при ответе собеседником *nej* на первую часть вопроса, вторая его часть становится неактуальной, так как его ответ на нее невозможен. При неподтверждении со стороны собеседника гипотезы, выдвинутой говорящим в первой части вопроса, т. е. при ответе *jo*, он должен ответить на вторую его часть, что требует дальнейшей спецификации. Такого типа вопросы можно, думается, отнести к так называемым безопасным вопросам, так как говорящий, не уверенный в правомерности прямого вопроса, например из (8): *‘Где она живет?’*, — выдвигает гипотезу о том, что собеседник этого не знает. В случае неподтверждения

данной гипотезы становится возможным получение ответа на заданный вопрос, являющийся содержанием второй части. Именно гипотеза говорящего «от обратного» делает такой вопрос более вежливым по сравнению с другими вопросами, содержащими эту же пропозицию. Часто такая структура вопроса говорящего обусловлена именно тем, что сам он не помнит, не знает, не видел этого, так что это протительно и собеседнику, к чьей помощи он прибегает: *‘Я не знаю, ты тоже не знаешь?’*

10) *Jah... Hvor kan det have været? Det må vi have... Du kan vel ikke huske, hvad havekolonierne hed?*

A-a... Где же это могло быть? Должно быть, это было... Ты случайно не помнишь, как назывались эти садовые участки?

Выраженное вопросом с *vel ikke* предположение говорящего о том, что *p* возможно, а также сама структура вопросительного предложения с *vel ikke*, сориентированная на ожидаемое подтверждение собеседником этого предположения, т. е. на негативную альтернативу, ставит собеседника в благоприятные для него условия выбора, что и воспринимается им как особая форма вежливости: говорящий всеми способами показывает, что получение отрицательного ответа не будет для него неожиданностью, что он предвидит его, но на всякий случай решается спросить и будет рад, если это окажется не так¹⁹. Эрик Хансен в статье об императиве в датском языке приводит примеры использования *vel ikke* в вопросах, выражающих вежливую просьбу говорящего передать соль²⁰:

11) *Du ville vel ikke give mig saltet?*

12) *Du gad vel ikke lige give mig saltet?*

Не подашь ли соль? / Тебе было бы не трудно подать мне соль?

Предполагаемый перлокутивный эффект таких высказываний — выполнение собеседником просьбы говорящего. Особенностью таких вопросов-просьб, вторичной функцией которых является побуждение адресата к действию, являются субъект пропозиции, выраженный личным местоимением 2-го лица, и формы глаголов *ville*, *kunne*, *gide* в составе сказуемого.

Иллокутивной силой следующих высказываний является косвенно выраженное значение деонтической модальности — испрашивание разрешения:

13) *Du har vel intet imod, at jeg spørger sådant?*

Ничего, что я так спрашиваю?

¹⁹ См.: Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебник. М., 2000. С. 315.

²⁰ Hansen, Erik. Du skal ikke tro, du skal vide // Hansen, Erik. Glæden ved grammatik: Udvalgte artikler og afhandlinger. København, 2001. S. 132–134.

14) De har vel ikke noget imod, at jeg sætter mig ved siden af Dem?

Вы, надеюсь, не возражаете, если я сяду рядом с вами?

15) Undskyld, men jeg måtte vel ikke låne Deres avis et øjeblik?

Извините, не одолжите ли мне на минуту вашу газету?

В таких вопросительных предложениях говорящим выражается также аксиологическое значение желательности, чтобы пропозиция оказалась истинной. Сравните в этой связи также ставшие клише вежливости случаи употребления *vel ikke* в предложениях типа:

24) Jeg kommer vel ikke til ulejligheden?

Надеюсь, я не помешал? / Я же не помешал?

Значение, передаваемое сочетанием *vel ikke* в приведенных вежливых вопросах, соответствует семантике русских негативных *ли*-вопросов²¹. Наряду с *не-(ли)* вопросами при переводе с датского языка на русский могут также использоваться прагматически синонимичные им конструкции ‘*же... не...*’, ‘*случайно не...*’, ‘*надеюсь, не...*’.

Модальные вопросы повествовательной структуры с *vel*, безусловно, являются наиболее распространенными в датской разговорной речи.

IV. Перейдем теперь к совершенно другой структуре модального (общего) вопроса, а именно к **модальным вопросам вопросительной структуры**. Для удобства и наглядности сравним сразу три типа таких вопросов и проанализируем их установку: (1) — простой позитивный вопрос, (2) — простой негативный вопрос, (3) — простой позитивный вопрос с частицей *vel*. Все они относятся к альтерным (*ja/nej-spørgsmål*):

1) Er han rejst? — Ja / nej.

Он уехал? — Да / нет.

2) Er han ikke rejst? — Jo.

Он что — не уехал? — Уехал.

3) Er han vel rejst? — Nej.

Разве он уехал? — Нет.

В выборе формы вопроса отражается установка спрашивающего:

— для (1) характерно отсутствие у него предпочтения одной из двух альтернатив; условие успешности речевого акта вопроса — спрашивающий не знает ответа и пытается получить его от адресата;

— в (2) говорящий использует отрицание *ikke*, функция которого в вопросительном предложении вопросительной структуры отличается от его функции в повествовательном предложении, ср. также первое пред-

²¹ Анализ русских негативных *ли*-вопросов см.: Кобозева И. М. Указ. соч. С. 312–316.

ложение в (6). Используя *ikke*, спрашивающий 1) задает вопрос: *Er han rejst?* и 2) выражает свою эпистемическую и аксиологическую установку на позитивную альтернативу, т. е. сигнализирует адресату о том, что ответ *jo* для него является и более вероятным, и более желательным²². Этой установкой такой тип датского вопроса отличается от негативного русского вопроса: эпистемический компонент установки датского вопроса — предположение о достоверности пропозиции и вместе с тем надежда на позитивную альтернативу *jo* = не *p*, тогда как в русском негативном вопросе выражается эпистемическая установка говорящего, т. е. предположение о достоверности *p* и надежда спрашивающего на негативную альтернативу²³. Это затрудняет перевод датского вопроса на русский язык, так как буквальная передача изменяет его установку (ср.: *‘Он не уехал? — Нет!’*). Возможно, такому датскому вопросу с негацией по установке соответствует русский вопрос *‘Он что — не уехал?’*;

— иллокутивное предназначение предложения (3) — выразить речевой акт вопроса: побудить адресата сообщить спрашивающему необходимую ему информацию. Вторичной функцией вопроса с *vel* является установка говорящего на негативную альтернативу. Эпистемический экспликатор *vel* в таких предложениях уточняет иллокутивную функцию вопроса, внося в него значение сомнения говорящего в том, что возможен положительный ответ на поставленный вопрос, и сигнализируя тем самым слушающему об ожидании от него отрицательного ответа. *Vel*, как и в других случаях употребления, эксплицирует реакцию спрашивающего на неожиданную для него коммуникативную ситуацию, или предыдущую реплику диалога, и апеллирует к собеседнику, чтобы тот развеял сомнения говорящего. Здесь мы также можем говорить об адмиративном значении, так как говорящий не ожидал такой ситуации и воспринимает ее с удивлением.

Если сравнить вопросы (2) и (3), то можно обнаружить своего рода симметрию по ожидаемому ответу между *ikke* и *vel* в вопросах данного типа и так называемых вопросах-привесках с *ikke* и *vel* (см. раздел I). Анализ вопросительных предложений данного типа представляется весьма интересным. Однако в известной нам датской лингвистической литературе случаи использования *vel* в таких вопросах практически не рассматриваются.

---

²² См. также: *Kjøller, Klaus. Om sproghandlinger og samtaleanalyse // Nydanske Studier & Almen kommunikationsteori. Sproghandlinger. Akademisk Forlag. 1973. N. 5. S. 50.*

²³ Ср. анализ предложения «Вы не осуждаете меня?» в кн.: *Кобозева И. М. Указ. соч. С. 305.*

О значении сомнения говорящего в вероятности положительного ответа на подобный вопрос с *vel* упоминает датский лингвист Оге Хансен в грамматике датского языка «Moderne dansk»²⁴. Клаус Кьеллер²⁵, анализируя случаи использования *vel* в модальных вопросах вопросительной структуры, отмечает, что в отличие от негативного вопроса (4) позитивный вопрос говорящего с *vel* (5) содержит эпистемическую установку говорящего на то, что не *p*, и приводит следующие совпадающие по ожидаемой реакции адресата ряды вопросов:

4) Går du ikke ud med piger? = Du går vel ud med piger? = Du går ud med piger, ikke? — Jo.

5) Går du vel ud med piger? = Du går ikke ud med piger, vel? — Nej.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о тесной связи установки, отражающей субъективное отношение говорящего к пропозициональному содержанию вопроса, и формальной структуры вопроса, так как при совпадении пропозициональной части вопросов и несовпадении их формальной структуры могут быть абсолютно противоположными эпистемический и аксиологический аспекты установочного компонента их семантики, а именно: если сравнить приведенные ниже предложения, то (6) ? (7); (8) ? (9), поскольку их установку можно охарактеризовать как:

а) предположение + надежда на позитивную альтернативу:

6) Går du ikke ud med piger? — Jo.

Ты что, не встречаешься с девочками? — *Встречаюсь.*

б) предположение (в виде утверждения) + ожидание его подтверждения, т. е. негативной альтернативы:

7) Du går ikke ud med piger, vel? — Nej.

Ты не встречаешься с девочками, правда? — *Нет (не встречаюсь).*

в) сомнение + ожидание его подтверждения, т. е. негативной альтернативы:

8) Går du vel ud med piger? — Nej.

Разве ты встречаешься с девочками?

г) предположение + надежда на ее подтверждение, т. е. позитивную альтернативу:

9) Du går vel ud med piger? — Ja.

Ты, наверное, встречаешься с девочками? — *Да.*

Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что в разговорной речи датчан альтернативные вопросы вопросительной структуры с мо-

²⁴ См.: Hansen, Åge. Moderne dansk. В. 3. København, 1967. S. 287.

²⁵ См.: Kjøller, Klaus. Op. cit.

дальной частицей *vel* встречаются не так уж часто, но в собранном нами корпусе такие примеры имеются:

10) *Når jeg ikke lov til at være ligeså fuld jeg overhovedet kan? Det kan du da ikke bestemme. Kan du vel? Kan du bestemme det?*

Не могу я, что ли, напиться так, как хочу? Да это не тебе решать. Разве тебе? Тебе это решать?

11) — *Det er da ikke forbudt at snakke... Er det vel forbudt at snakke?*

— *Не запрещено же разговаривать... Разве запрещается разговаривать?*

— *Ikke for danskere.*

— *Только не датчанам.*

Итак, важным семантическим различием рассмотренных типов вопросов является их существенное различие в эпистемической и даже аксиологической установке. При этом достаточно интересным представляется то, что *vel* в альтернативных вопросах вопросительной структуры вносит именно эпистемическое значение сомнения говорящего в возможность позитивной альтернативы, т. е. в некотором роде меняет полярность своей исходной семантики. В этом, на наш взгляд, есть своя языковая логика, обнаружить которую мы попробуем с помощью математических вычислений. Если представить вопросительную структуру как незнание, отрицание *ikke*, а также негативную альтернативу *nej* и значение сомнения со знаком «минус», а повествовательную структуру, модальную частицу *vel* — с положительным значением предположения и позитивную альтернативу *ja / jo* — со знаком «плюс», то можно «вычислить» установку говорящего.

Проиллюстрируем это на приведенных ранее примерах:

6) *Går du ikke ud med piger? — Jo.*

(-) (-) = (+)

7) *Du går ikke ud med piger, vel? — Nej.*

(+) (-) (+) = (-)

8) *Går du vel ud med piger? — Nej.*

(-) (+) = (-)

9) *Du går vel ud med piger? — Ja.*

(+) (+) = (+)

Данная схема не только позволяет вычислить по структуре вопросительного предложения ожидаемый спрашивающим ответ адресата, но и наглядно иллюстрирует специфику каждого из них, а также подтверждает тесную связь или, точнее, зависимость формальной структуры от коммуникативной установки говорящего. Кроме того, мы видим, как датский язык, располагающий незначительными лексическими средствами

выражения сомнения говорящего в достоверности высказывания, использует для этого эпистемические операторы с другими значениями, помещая их с этой целью в различные формальные структуры вопросительных предложений и изменяя тем самым их коммуникативную семантику.

E. B. Krylova

DE DANSKE INTERROGATIV-SÆTNINGERS KOMMUNIKATIVE SEMANTIK

Det danske sprog har flere typer af interrogative sætninger, men ikke alle med denne sætningsform udtrykker et egentligt spørgsmål. Nogle af dem kan opfattes som indirekte sprog handlinger hvor et spørgsmål anvendes til at udtrykke en anmodning, en bøn, et retorisk spørgsmål, m.v.

Den spørgende (ytringens afsender) kan ikke direkte assertere noget, hvis sandhedsværdi han ikke kender, men det betyder selvfølgelig ikke, at han ikke har en eller anden forhåndsformodning om eller nogle klare forventninger til hvad modtager vil svare, dvs. om han vil afgive et positivt eller et negativt svar i forbindelse med fx et ja/nej-spørgsmål. Afsenders «forhåndsindstilling» har epistemisk værdi og er ofte aksiologisk. Ved at inddrage afsenders «forhåndsindstilling» og analysen af selve ytringssituationen i interpretationsprocessen kan man beskrive de interrogative strukturer (positive/negerede udsagn; spørgende sætningsform/fremsættende sætningsform) og de sproglige midler (fx modale partikler), som afsender vælger i enhver konkret situation for at gengive sin indstilling. Og omvendt: ved at analysere den interrogative struktur får vi mulighed for at forudse og forklare, hvornår en illokutionær afledning vil finde sted.